

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА
на VIII Конвенте Российской ассоциации международных исследований «Метаморфозы
посткризисного мира: новый регионализм и сценарии глобального управления»
25–26 апреля 2014 года в МГИМО (У) МИД России

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В ЕВРОСОЮЗЕ

ГРОМОГЛАСОВА Е.С. (ведущий научный сотрудник
Центра ситуационного анализа РАН, e_gromoglasova@imemo.ru)

ЛИБМАН А.М. (младший профессор международной политической экономии
Франкфуртской школы финансов и управления a.libman@fs.de)

1

В докладе будут представлены результаты эконометрического исследования 41 избирательной кампании в государствах-членах Европейского союза в период 2005-2011 гг. Целью анализа было тестирование гипотезы о том, что экономическое положение страны является фактором, определяющим позиционирование национальных партий и партийных систем в целом по отношению к Евросоюзу и европейской интеграции (EU cleavage). Иными словами, чем более благоприятно обстоят дела в экономике, тем меньше уровень евроскептицизма партийной системы страны, включая правящую коалицию. И наоборот, чем больше проблем в экономической сфере, тем выше уровень евроскептицизма как правящих, так и оппозиционных партий. Однако наши эмпирические результаты свидетельствуют, скорее, о слабой связи между экономическими факторами и уровнем евроскептицизма. Тем не менее, нам удалось показать, что чем ниже уровень безработицы в стране, тем выше уровень евроскептицизма ее партийной системы. Оба вывода мы объясняем как проявление экспрессивного, основанного на идентичности, отношения к ЕС (expressive behavior).

Вклад экономических факторов в политическое поведение является одной из наиболее дискутируемых тем в общественных науках. В настоящем исследовании мы обратимся к частному случаю данной проблематики, которому, однако, уделялось немало внимания в последние годы – роли экономических факторов в изменении отношения к Евросоюзу населения европейских государств. Утверждения о росте евроскептицизма в условиях экономического кризиса нередки как в научной, так и в общественной дискуссии. В настоящем исследовании мы попытаемся провести более строгий тест данной гипотезы, основанный на формальном эконометрическом анализе. Конкретно, мы попытаемся понять, как менялось отношение к ЕС партийных систем стран Евросоюза в зависимости от изменения экономической обстановки. Партийные системы являются одним из ключевых элементов политических систем в парламентских и парламентско-президентских демократиях ЕС.

Наша рабочая гипотеза состоит в том, что долговой кризис в зоне евро и национальная экономическая ситуация определяют уровень евроскептицизма партийных систем государств-членов Европейского союза. Чем хуже положение в экономике, тем, возможно, уровень евроскептицизма выше, и наоборот – чем благополучнее экономическая ситуация, тем позитивнее настрой в отношении ЕС.

Тезис о том, что отношение к ЕС формируется экономической рациональностью, уже давно распространен в научной литературе. Но особую актуальность он приобрел в связи с новейшими тенденциями развития интеграционного управления в ответ на кризис в зоне евро. Скажем, Договор о стабильности, координации и управлении в ЭВС 2012 г. ужесточает требования к национальным бюджетам государств-членов. А ключевым пунктом программ помощи ЕС наиболее пострадавшим от кризиса странам-участницам является политика жесткой экономии, предусматривающая «замораживание»/урезание социальных выплат, повышение налогов, сокращение рабочих мест в госсекторе.

Мы выбрали для тестирования наших предположений национальные выборы в государствах-членах Союза, а не выборы в Европарламент (ЕП) в связи с особенностями институциональной структуры Европейского союза и организации его политической системы. В принципе, ЕП может отправить в отставку весь состав Еврокомиссии, объявив ей вотум недоверия. Но пока выборы в ЕП не приобрели необходимых качественных характеристик полноценных европейских выборов. В избирательных кампаниях в ЕП часто преобладают национальные сюжеты (возможно, выборы 2014 г. станут исключением). Политические партии в ЕС организованы преимущественно на национальном уровне. В таких же институтах, как Европейский совет и Совет министров, представлены главы правительств/государств и профильных национальных министерств. Поэтому национальный партийный уровень политической системы ЕС, как мы полагаем, отражает ключевые тенденции в процессах укрепления/ослабления демократической легитимности рассматриваемой структуры в целом.

Для оценки реакции партийных систем на экономические изменения мы обратимся к данным Manifesto Project Database (MPD), крупного проекта, посвященного количественному контент-анализу партийных предвыборных программ [Volkens, A., Lacewell O., Lehmann P., Regel S., Schultze H., Werner A.: 2012]. Проект охватывает все свободные демократические выборы, состоявшиеся в более чем 50 странах мира за период после 1945 г. В частности, проект оценивает для предвыборных программ (манифестов) партий число упоминаний в них ЕС и европейской интеграции, оценивая каждое из них или как «положительное» (в этом случае партия выступает в поддержку конкретных аспектов деятельности ЕС), или как

«отрицательное» (то есть проявление евроскептицизма). Мы воспользуемся этими оценками для построения наших количественных показателей.

2

Основу нашего эмпирического исследования составляет выборка 41 избирательной кампании в странах ЕС в 2005-2011 гг. Верхняя граница данного временного интервала определяется доступностью данных. Нижняя граница связана со стремлением ограничить влияние на наш анализ долгосрочных изменений (например, роста евроскептицизма, устойчиво наблюдавшегося в странах ЕС вот уже несколько десятилетий) и, за счет этого, более точно исследовать интересующую нас проблему. Мы также были вынуждены исключить из анализа некоторые выборы, для которых данные в MPD отсутствуют. В нашей выборке присутствует 21 страна; таким образом, каждой из стран соответствует от одного до трех наблюдений. Хотя наши данные в принципе соответствуют определению панельных (несколько наблюдений для каждой из стран), разброс выборов во времени и небольшое число наблюдений на страну препятствуют использованию инструментов эконометрики панельных данных (например, страновых фиксированных эффектов), поэтому все регрессии будут оцениваться как для перекрестных данных. Тем не менее, в большинство регрессий включены фиктивные переменные для временных периодов (лет).

Наш анализ позволяет нам сделать следующие выводы. Во-первых, среди трех экономических переменных две (рост ВВП и инфляция) никак не влияют на уровень евроскептицизма. Иначе говоря, в данном случае гипотеза экономического голосования не подтверждается. Несколько иначе ситуация выглядит в отношении с безработицей – эффект данной переменной не устойчив к спецификации и выбору контрольных переменных, но все же во многих случаях является значимым. Это не удивительно – с учетом достаточно низких темпов инфляции в еврозоне и остальных странах ЕС, именно безработица является, наверное, характеристикой, в наибольшей степени затрагивающей каждого избирателя. Наши данные показывают, однако, что снижение уровня безработицы сопровождается ростом голосования за партии-евроскептиков и более высоким уровнем евроскептицизма победившей коалиции и партийной системы в целом. Иначе говоря, представление о том, что экономический спад сопровождается ростом евроскептицизма, не подтверждается нашими данными.

Среди других переменных, значимым, как правило, является показатель внимания к ЕС: в странах, где ЕС чаще упоминается в партийных программах, отношение к нему как победившей коалиции, так и партийной системы в целом, более благоприятное. Это может быть свидетельством того, что в большинстве стран, где ЕС действительно стал важной

темой политической дискуссии, произошла более интенсивная европеизация политического класса, сопровождавшаяся ростом положительного отношения к ЕС.

3

Подведем некоторые итоги. Во-первых, наш анализ не смог выявить устойчивого влияния экономических характеристик на рост евроскептицизма: даже в тех случаях, когда эффекты являются значимыми, речь идет в основном о результатах, сильно варьирующихся от спецификации к спецификации. Таким образом, мы опровергаем нашу гипотезу, составляющую ключевой элемент в мейнстриме интеллектуальной рефлексии на тему происходящего в Евросоюзе. Наш второй вывод о том, что страны с более низким уровнем безработицы¹ в большом числе спецификаций характеризуются более высоким уровнем евроскептицизма партийной системы, – сигнал, указывающий на сложную природу изучаемого феномена. Исследуя ее, мы имеем дело с явлением, выходящим за рамки инструментального поведения. Ведь, согласно «прописным истинам», более благополучные страны характеризуются более позитивным настроением в отношении статус-кво в Евросоюзе.

Между тем, наши выводы относительно положительной корреляции уровня безработицы и поддержки ЕС могут восприниматься как свидетельство экспрессивной, основанной на идентичности, природы евроскептицизма национальных партийных систем. Экспрессивное поведение (*expressive behavior*) выражает и декларирует идентичность индивида, а не содействует приросту индивидуального благосостояния. Внимание к данному явлению в политологии и других общественных науках возросло сравнительно недавно [Caplan B.:2007; Hillman A.: 2010]. С точки зрения анализа выборов, экспрессивное поведение предполагает, что избиратели делают выбор не столько потому, что им представляются привлекательными предложенные теми или иными партиями меры, а потому, что программы соответствуют декларируемой ими идентичности.

Для нашей интерпретации полученных выводов тезис об экспрессивном голосовании важен, но он ставит дополнительный вопрос о том, к каким аспектам самоидентификации избирателей, апеллируют политические партии, имеющие евроскептическую повестку дня. Идентичность как объяснительная переменная оппозиционного отношения к европейскому проекту не является новой для европеистики. Но как правило, речь ведется о национальной и/или региональной идентичности, то есть подразумевается, что у нее нематериальные источники, такие как: язык, история. Кроме того, в количественных исследованиях часто идентичность анализируют на основе данных Евробарометра. Проблема состоит в том, что подобные данные могут быть искажены: опросы нередко отражают результаты

¹ По названному показателю были получены наиболее устойчивые результаты в большом числе спецификаций, но существует и ряд оговорок. Поэтому мы интерпретируем наши данные с известной долей осторожности.

национальных кампаний в СМИ, актуализирующих расхожие стереотипы. Нам же, помимо выводов, действительно свидетельствующих об устойчивости отношения к ЕС в конкретных странах, удалось получить и результат, свидетельствующий о транснациональной природе идентичности евроскептиков: поведение избирателей меняется с уровнем безработицы. Такие изменения сложно объяснить особенностями национальной идентичности. Соотнося наш результат с выводами других исследований [McLaren L.: 2005, p.15], мы полагаем, что правомерно вести речь о консьюмеристской идентичности как основе фобий, проявляющихся в отношении ЕС.

С теоретической точки зрения, часто идентичность осмысляют через проблему другого, через феномен отражения себя в другом. Но идентичность и маркер различия могут проявляться через вовлеченность в материальную культуру [Lunt P.K., Livingstone S.M.: 1992, p. 166]: система массового потребления воспроизводит понятные всем членам общества знаки отличия и принадлежности. Стремление занять достойное место в социальной иерархии может объяснять нацеленность на избыточное/люксовое потребление, являющееся маркером привилегированного положения [Veblen T.: 1994]. Эту стратегию можно осмыслить как «статус-потребление». Иными словами, под статус-потреблением можно понимать выражение индивидом своей идентичности через потребление.

Для конкретного объекта нашего исследования, можно предположить следующее. Евроскептицизм является, прежде всего, выражением растущего чувства незащищённости населения достаточно благополучных стран с низким уровнем безработицы. В этой ситуации стремительно увеличивающаяся армия безработных в условиях Единого внутреннего рынка ЕС может восприниматься как непосредственная угроза личному благополучию и идентичности, сформированной материальной культурой, особенно в условиях кредитной зависимости, когда общественный статус мог быть получен в кредит (ипотека и пр.). Соответственно, именно сравнительно благополучные граждане скорее оказываются в лагере евроскептиков. В другой ситуации аналогичные риски статусу могут породить другие формы экспрессивного поведения [Bonino S.: 2011, pp. 119-124].

Наш анализ показал, что уровень евроскептицизма национальных партийных систем в период 2005-2011 гг. практически не зависит от экономических факторов. Нам удалось получить лишь один относительно устойчивый результат: чем меньше уровень безработицы в стране, тем выше уровень евроскептицизма ее партийной системы. Интерпретируя его с известной долей осторожности, мы полагаем, что это признак экспрессивного, основанного на идентичности, отношения к Европейскому союзу. Мы получили еще один результат:

риторика политических партий в отношении ЕС во многом является устойчивой во времени и, насколько можно судить, связана скорее с уровнем европеизации политического класса. Иными словами, в период кризиса в зоне евро не произошло резкого усиления евроскептицизма национальных партийных систем. Основываясь на этом, мы делаем осторожный прогноз о том, что политическая система Европейского союза будет развиваться поступательно, не теряя устойчивости, но, возможно, становясь более дифференцированной.

Библиография:

1. Bonino S. On Post-Modern Consumerist Societies, Crime and Violence // *Rivista di Criminologia, Vittimologia e Sicurezza*. Vol. V. N.2 Maggio-Agosto 2011. P. 113-126.
2. Caplan B. *The Myth of the Rational Voter. Why Democracies Choose Bad Policies*. – Princeton, NJ. Princeton University Press. 2007. 276 p.
3. Hillman A.L. Expressive behavior in economics and politics // *European Journal of Political Economy*. Vol. 26. Issue 4. 2010. Pp. 403-418.
4. Lunt P.K., Livingstone S.M. *Mass consumption and personal identity: everyday economic experience*. 1992. Open University Press. Buckingham, Philadelphia. 204 p.
5. McLaren L. Explaining Mass-Level Euroskepticism: Identity, Interests, and Institutional Distrust // Prepared for the first of two workshops on Euroskepticism 1-2 July 2005, Pulitzer Hotel, Amsterdam. School of Politics University of Nottingham United Kingdom. 27 p. Интернет-доступ:
<http://www.unc.edu/depts/europe/conferences/euroskepticism/papers/mclaren.pdf>
6. Veblen T., *The Theory of the Leisure Class*. – N.Y. Dover Publications. Mineola. 1994. 244 p.
7. Volkens, A., Lacewell O., Lehmann P., Regel S., Schultze H., Werner A. *The Manifesto Data Collection, Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR)*. – Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin fuer Sozialforschung (WZB). 2012. Интернет-доступ:
<https://manifestoproject.wzb.eu/>